

Вестник

Главный редактор:
Р.М. Асадуллин,
д-р пед. наук, проф.

Ответственный редактор:
О.С. Тарасенко

Редакционная коллегия:
А.Ф. Мустаев,
канд. физ.-мат. наук, доц.;
М.В. Михайлов,
канд. юрид. наук, доц.;
Р.Х. Хайруллина,
д-р филол. наук, проф.;
С.В. Трусов,
канд. пед. наук, доц.

Адрес редакции: 450000, РБ,
г. Уфа, ул. Октябрьской ре-
волюции, 3а, корп. 1, каб.
314

Тел.: (347) 272-03-71
E-mail: akmulla@bspu.ru

ISBN 978-5-87978-666-8

© Редакция Вестника
БГПУ им. М. Акмуллы
© Муратов И.М., обложка,
2008

№ 1 (24) 2011
выходит с 2000 года

ДОСТИЖЕНИЯ НАУКИ. ИЗВЕСТНЫЕ УЧЕНЫЕ. ХРОНИКА

Тарасенко О.С.

V Международные дни
Мифтахетдина Акмуллы.....3

Фатыхова Р.М., Иванченко Т.П.

Духовно-нравственное развитие молодежи
в условиях трансформации
русского общества.....8

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Психолого-педагогические науки

Бабкова Н.И., Мухамедьянов И.И.

Процессы утомления и методы
восстановления организма в спорте 17

Еремеева Е.А., Мухамедьянов И.И.,

Фомина С.С.
Физиологические особенности детей
дошкольного возраста.....23

Мубинова З.Ф.

Гармоничное этнонациональное воспитание
в процессе преподавания отечественной
истории: анализ современных
русских учебников
для общеобразовательной
школы (*начало*).....31

Естественно-математические науки

Лобанов С.А., Шабалина О.В.,

Черепанов Н.С., Султанов И.Х.

Роль межклеточного матрикса в регуляции
функций клеток при стрессе.....47

Халиков Р.М., Борисов И.М.,

Егоров В.А.

Влияние концентрации сшивающего
реагента на размер нанопор
полиакриламидного геля 59

Гуманитарные науки

Абдуллина Ф.А.

Омонимы современного
татарского языка.....66

Аюпов С.М., Харисова Т.Е.	
Тургеневская традиция в стихотворениях А.А. Блока и А.А. Ахматовой.....	77
Аюпова С.Б., Асаева Л.Х.	
Пространственные параметры языковой художественной картины мира.....	85
Калимуллин Р.Р.	
Научно-техническая революция: СССР на пути к постиндустриальному обществу в 1950–1980 годы.....	93
Файзрахманова А.А.	
Национально-культурные предпосылки формирования русской народной утопии.....	107
ИСКУССТВО И КУЛЬТУРА	
Фаридонова И.В.	
Эстетический идеал в скульптурах Алексея Леонова.....	125
ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ	
Комлева Е.В.	
Социоядерный дискурс: от Ясперса к Достоевскому и Калевале (<i>продолжение</i>)...	132
КНИГОВЕДЕНИЕ	
Салих Н.Р.	
Арабографические письменные памятники Республики Башкортостан.....	153
Салова С.А.	
Преодолевающий смерть: о профессоре Р.Г. Назирове и его новой книге.....	162
Назиров Р.Г.	
Заметки о Н.В. Гоголе. Сновидения.....	169
Федоров П.И., Тарасенко О.С.	
Начало большого пути (<i>о «Летописи жизни и творчества С.Т. Аксакова»</i>).....	178
Фёдоров П.И.	
Время собирать камни (<i>о «Каталоге старинных и редких книг на иностранных языках из фонда Национальной библиотеки имени А.-З. Валиди»</i>).....	182
МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ В НАУКЕ	
Мингазова Д.В.	
Деструктивное общение подростков.....	185
Ненилина М.К.	
Отражение стереотипов массового сознания в этнонимах.....	197
Чухланцева Е.А.	
Влияние супружеских отношений на психическое развитие детей.....	204
АВСТРАКТ	215
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	221

УДК 821.161.1

*С.А. Салова,
д-р филол. наук, профессор
Башкирского государственного университета*

ПРЕОДОЛЕВАЮЩИЙ СМЕРТЬ: О ПРОФЕССОРЕ Р.Г. НАЗИРОВЕ И ЕГО НОВОЙ КНИГЕ

Аннотация. В настоящей статье прослеживаются основные вехи творческого пути выдающегося уфимского литературоведа, профессора Башкирского университета Р.Г. Назирова и рецензируется новый сборник его статей «Мифология и литература, или Преодоление смерти» (Уфа, 2010).

Ключевые слова: рецензия, научный архив, достоеведение, фольклорные и мифологические традиции, сравнительная история фабул.

4 февраля 2011 года на филологическом факультете Башкирского государственного университета состоялась презентация новой книги известного литературоведа, доктора филологических наук, профессора Р.Г. Назирова «Мифология и литература, или Преодоление смерти». Ее автору в этот день исполнилось бы 77 лет.

Ромэн Гафанович Назиров родился 4 февраля 1934 года в Харькове, но с двухмесячного возраста жил в Башкирии, в городе Уфе. Его отец, работавший здесь сначала в государственной администрации, а затем министром культуры Башкирской автономной советской социалистической республики, в январе 1938 года был арестован и вскоре расстрелян. За отсутствием состава преступления Назирова-старшего реабилитировали лишь в 1957 году – в том самом году, когда его сын окончил филологический факультет Башкирского государственного педагогического института. Отработав несколько лет учителем в сельской школе и журналистом в молодежной газете, Р.Г. Назиров поступил в аспирантуру при кафедре русской литературы в МГУ имени М.В. Ломоносова, где проучился с 1962 по 1965 год. Там же в 1966 году защитил кандидатскую диссертацию «Социальная и этическая проблематика произведений Ф.М. Достоевского 1859 – 1866 го-

дов». С ноября 1965 года вплоть до своего преждевременного ухода из жизни в 2004 году Р.Г. Назиров работал на кафедре русской литературы и фольклора Башкирского госуниверситета, причем последние 10 с небольшим лет в качестве ее заведующего.

Блестящий лектор, человек энциклопедических познаний, буквально ошеломлявший всех своей колоссальной эрудицией, Р.Г. Назиров был филологом высочайшего международного уровня, хотя и стал «выездным» только в 1990 году. Его авторитет в мировом ученом сообществе, особенно среди исследователей Ф.М. Достоевского, А.С. Пушкина, А.П. Чехова, был и остается непререкаемым. Научные публикации работ Р.Г. Назирова в центральных и зарубежных изданиях до сих пор читаются и изучаются исследователями с неослабевающим интересом. Некоторые из высказанных им идей сначала смущали своей неожиданной, почти еретической свежестью, но впоследствии приобретали значение неопровержимых литературоведческих аксиом, которые буквально зывали к интенсификации научных поисков в заданном направлении, будь то трансформация фабулы или фигура умолчания, поэтика жеста или выявление прототипической основы образа литературного героя.

Справедливо считается, что наиболее весомым был вклад, внесенный Р.Г. Назировым в научное освоение повествовательной прозы Ф.М. Достоевского. Действительно, его единственная прижизненная монография «Творческие принципы Ф.М. Достоевского», опубликованная в 1982 году в Саратове, уже давно стала библиографической редкостью и перешла в разряд фундаментальной литературоведческой классики. Выпущенная тиражом в две тысячи экземпляров, она в свое время считалась настольной книгой не только в кругу «достоеведов», но и у огромного числа других знатоков (или даже просто любителей) русской художественной словесности.

Ранний уход Р.Г. Назирова из жизни заставил его учеников и коллег по кафедре остро осознать, что пришло время «собирать камни», то есть объединять в «неавторские» циклы и переиздавать в таком виде его труды, близкие по теме, персоналиям или методологии исследования. Первым результатом подобной собирательской работы стало переиздание восемнадцати ранее опубликованных научных статей Р.Г. Назирова в сборнике «Рус-

ская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет», выпущенном редакционно-издательским отделом Башкирского госуниверситета в 2005 году. В него вошли статьи о В.Ф. Одоевском, А.С. Пушкине, И.С. Тургеневе, А.П. Чехове и, конечно же, о Ф.М. Достоевском, чьи произведения были прочитаны Р.Г. Назировым сквозь методологическую призму сравнительного литературоведения.

Не секрет, что сам Р.Г. Назиров всегда считал себя прежде всего историком литературы, неизменно подчеркивая при этом свою близость к компаративистским школам, к мифопоэтике и к линии М.М. Бахтина. Однако представляется вполне резонным продолжить этот ряд еще несколькими, безусловно «знаковыми» для Р.Г. Назирова, именами А.Н. Веселовского, Ю.Н. Тынянова и Ю.М. Лотмана, чьи работы неизменно находились в сфере его самого пристального внимания. Будучи историком литературы и компаративистом по преимуществу, с не меньшей активностью и творческой увлеченностью Р.Г. Назиров занимался также исследованием фольклорных и мифологических традиций в литературе. На протяжении нескольких десятков лет он с завидной регулярностью публиковался в межвузовском научном сборнике «Фольклор народов РСФСР» (после распада СССР – «Фольклор народов России»), который начал выходить в Башкирском госуниверситете с 1974 года под редакцией его Учителя – одного из авторитетнейших советских фольклористов с мировым именем профессора Льва Григорьевича Барага. В этом солидном периодическом издании Р.Г. Назиров напечатал целый ряд интереснейших исследований о генезисе и историческом бытовании нескольких архаических и фольклорных сюжетов. В хронологической перспективе, по мере своего появления, они составили довольно внушительный по объему цикл статей, четко объединенный по тематическому признаку и единый по методу исследования. Оставалось только сожалеть, что с этой частью творческого наследия Р.Г. Назирова была знакома почти исключительно лишь тонкая прослойка специалистов и знатоков фольклора. Данным обстоятельством напрямую обуславливалась насущная необходимость их не просто повторной, но – главное – упорядоченной, «циклизованной» републикации, благодаря которой с наибольшей отчетливостью высветилась бы подспудная авторская интен-

ция на создание в ближайшей или отдаленной перспективе некоего единого текста, отличающегося концептуальной целостностью и завершенностью. Таковы были в самых общих чертах те соображения, которыми руководствовались члены редколлегии, подготавливая к переизданию этот тематический блок статей, специально выделенный из огромного массива литературоведческих трудов Р.Г. Назирова. Результаты не заставили себя долго ждать.

В самом конце 2010 года увидела свет новая книга Р.Г. Назирова «О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет» (Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. – 408 с.). Как явствует уже из названия, в нее были включены материалы, различающиеся не только временем создания, но дифференцированные по предмету и объекту исследования. Вполне закономерно поэтому, что сборник состоит из трех разделов. Первый из них – «Миф и литература» – включает в себя 21 работу Р.Г. Назирова. Некоторые из них посвящены изучению межэтнических фольклорных связей; в других детально анализируется генезис, типология, особенности исторического бытования и трансформации отдельных архаических или фольклорных мотивов, культурных символов, сюжетов. Интригуют и сразу привлекают внимание уже сами названия статей, «главными героями» в которых стали яблоко и гранат, череп на шесте, шаманский бубен, бесценная уздечка, избушка на курьих ножках, шапка-невидимка, хрустальный гроб, оживающая статуя и т.д. Большинство этих мотивов, образов, символов с детства знакомо практически любому человеку, но блестящая эрудиция Р.Г. Назирова позволила поместить эти «топосы» в такие «культурные ряды», которые коренным образом изменили, «деавтоматизировали» и чрезвычайно обогатили наше прежнее, профанное их восприятие. Отличительной особенностью фольклористических статей Р.Г. Назирова является не только контекстуальное развертывание рассматриваемых сюжетов и образов, но – главное – выявление и актуализация таящегося в них общечеловеческого духовного потенциала.

Однако далеко не всё из написанного Р.Г. Назириным на фольклорно-мифологические темы было в свое время опубликовано. В его архиве удалось обнаружить еще несколько близких по проблематике статей, четыре из них («Священная зола», «Вырез-

ка земли», «Соль как фольклорно-мифологический символ», «Добывание волшебного меча») подготовлены к печати и впервые изданы в рецензируемой книге. Заметим попутно, что как уже опубликованные, так и сохранившиеся в рукописном виде материалы недвусмысленно свидетельствуют о грандиозном (к сожалению, так и оставшемся неосуществленным) замысле Р.Г. Назирова создать капитальное монографическое исследование о генезисе и метаморфозах сюжетов, начиная с глубокой архаики, через античность и Средневековье, до Нового времени. В статье 1991 года «Сюжет об оживающей статуе» он четко сформулировал исходную посылку подобного крупномасштабного проекта: «... долговечность сюжетов возможна только в их изменениях и ... старые сюжетные традиции могут быть практически бесконечными». Уже одной этой фразой Р.Г. Назиров сделал многое, ведь, как известно, сам факт постановки актуального вопроса – дело подчас гораздо более трудное и принципиально важное, чем самый длительный процесс поиска ответов на него.

Второй раздел нового сборника статей Р.Г. Назирова представлен семью его работами о творчестве Ф.М. Достоевского, большинство из которых (как, например, «Достоевский и романтизм» 1971 года, «К вопросу о прототипе Ставрогина» 1976 года или «Юмор Достоевского» 1977 года) были опубликованы в трудно доступных ныне изданиях. Эти статьи, написанные одним из самых авторитетных отечественных исследователей Достоевского, думается, не нуждаются в каких-либо специальных комментариях. Но одно краткое замечание по данному поводу все-таки хотелось бы сделать. В начале 1930-х годов А. Бэм опубликовал статью «Достоевский – гениальный читатель»; несколько перефразировав ее название, можно с полным правом утверждать, что Р.Г. Назиров был если не гениальным, то конгениальным читателем Достоевского. Только с учетом этого факта становится понятным, почему его научные штудии отличаются такой поразительной глубиной проникновения в тайны личности, мировоззрения и творчества великого романиста второй половины XIX столетия.

Вдумчивый и глубокий исследователь, оригинальный интерпретатор Ф.М. Достоевского, сам Р.Г. Назиров, как это ни покажется парадоксальным, главной работой всей жизни считал

свою докторскую диссертацию «Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе». Оконченная еще к началу 1980-х годов, обсужденная в Уфе и Ленинграде, а затем неоднократно (и весьма кардинально) перерабатывавшаяся, она была защищена в Екатеринбурге только в 1995 году в виде научного доклада. В теоретико-методологическом плане эта академически основательная (хотя и реферативная по форме изложения материала) работа стала, по своей глубинной сути, настоящим откровением для нашего отечественного литературоведения и фактически положила начало изучению новой научной дисциплины, которую можно условно назвать «Сравнительной историей фабул». Этот научный доклад, как бы балансирующий на грани между академически строгим научным исследованием и увлекательнейшим литературоведческим детективом, стал одним из важнейших (но далеко не единственным) итогов многолетней научной деятельности Р.Г. Назирова и потому составил третий, заключительный, раздел его новой книги. Книги, продолжения которой будут с нетерпением ожидать профессиональные читатели.

Есть основания надеяться, что в обозримом будущем текст докторской диссертации Р.Г. Назирова станет доступен специалистам в полном объеме; над его подготовкой к печати с энтузиазмом трудятся в настоящее время сестра Ромэна Гафановича Дина Гафановна Назирова и молодые кандидаты филологических наук, «птенцы гнезда Назирова» С.С. Шаулов и Б.В. Орехов. Замечу попутно, что, начиная с ближайшего номера, в «Вестнике Башкирского университета» станут выходить подготовленные ими к печати и сопровождаемые достаточно подробными комментариями ранее не публиковавшиеся работы Р.Г. Назирова историко- и теоретико-методологического характера: о русской формальной школе, о фрейдизме в литературоведении, о структуральной поэтике. Кроме того, имя Р.Г. Назирова вскоре получит известность не только среди специалистов в гуманитарных областях, но и у так называемого широкого читателя. Наш солидный республиканский журнал «Бельские просторы» намерен издать авторский цикл «Уфимские рассказы», где Р.Г. Назиров предстанет в новом, неожиданном даже для его ближайших знакомых и коллег, качестве одаренного литератора и мастеровитого художника слова. Будем уповать и на то, что в отдаленной пер-

спективе увидят свет и многие другие рукописи, заготовки, словари, учебные пособия, незавершенные проекты, оставленные нам в наследство щедрым талантом Р.Г. Назирова (Подробно о научном архиве Р.Г. Назирова см.: Орехов Б.В. Научный архив профессора Р.Г. Назирова // Русское слово в республике Башкортостан. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. С. 115 – 120).

И последнее. Абсолютно уверена, что сам Р.Г. Назиров отчетливо сознавал истинный масштаб своей творческой личности и вполне объективно оценивал научную значимость собственных трудов. Вероятно, именно поэтому он и не был «пробивным» человеком, но, будучи вполне самостоятельным ученым и настоящим подвижником, предпочитал писать «в стол». Повторюсь, что лишь после его неожиданного ухода стал известен действительный, способный потрясти самое искушенное воображение, объем и масштаб оставленного им творческого наследия. А значит, будем надеяться, что впереди нас ждет еще много часов увлекательнейшей беседы с удивительно умным Человеком – Ромэном Гафановичем Назировым.

УДК 82

Р.Г. Назиров,

д-р филол. наук, профессор БГУ

ЗАМЕТКИ О Н.В. ГОГОЛЕ. СНОВИДЕНИЯ

Аннотация. Впервые публикуется материал из архива известного литературоведа Р.Г. Назирова, представляющий различные аспекты поэтики Н.В. Гоголя (топос сновидения и образ Вия).

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, Вий, поэтика сновидения.

Мы представляем к публикации материалы из архива известного уфимского литературоведа Ромэна Гафановича Назирова (1934–2004). За свою жизнь по разным причинам профессор Р.Г. Назиров опубликовал малую часть написанного. Из созданного в его научной лаборатории долгое время были известны только одна монография и несколько десятков статей об истории сюжетов и творчестве Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова. В то же время истинные объёмы интеллектуального труда Р.Г. Назирова несоизмеримо больше. Среди составленных им словарей, энциклопедий, законченных и незаконченных монографий и разного рода статей особое место в архиве занимают его разработки для внутреннего пользования. Это многочисленные тетрадки, в которых каллиграфическим почерком вписаны собранные, систематизированные и осмысленные факты истории литературы и культуры. Часто именно из таких предварительных материалов рождались будущие статьи.

Здесь мы публикуем материалы, которые статьями стать не успели, но содержащиеся в них идеи вполне могли бы быть концептуальным ядром больших работ. Кроме внимания к важному для Р.Г. Назирова автору Н.В. Гоголю эти заметки представляют интерес как фиксация динамического процесса научного осмысления проблемы, запечатлённый путь от сбора материала и критики предшественников до оформления собственных наблюдений.

Подготовка к публикации:

Б.В. Орехов, канд. филол. наук, ст. преподаватель,

С.С. Шаулов, канд. филол. наук, ст. преподаватель

БГПУ им. М. Акмуллы

Сновидения в литературе восходят к фольклору и «**меннипповой сатире**».

Гоголь стал «отцом русской реалистической прозы» и «быстро доставил ей решительный перевес над поэзией» (Чернышевский. Очерки гоголевского периода, ст. 1). Но Гоголь вошел в литературу как **романтик**.

Романтикам сама реальная действительность представлялась **горьким сном**. «Им кажется, что они вот-вот проснутся и освободятся от ее гнета, очутятся в светлом идеальном мире, достойном человека и потому единственно истинном, в мире, где легко дышать и где люди счастливы» (В.В. Ванслов. Эстетика романтизма. М., 1966, с. 80).

Корни такого представления уходят в философию Платона: земная жизнь – неистинна, она тень высшей реальности; жизнь – это скорее иллюзия, сон.

Гофман писал, что романтические идеалы напоминают «сновидения, которыми грезим мы на протяжении всей нашей жизни, которые часто на легких крыльях уносят наше земное горе, перед которыми смолкают каждая горечь, обиды, каждая безутешная жалость обманутой надежды, – те сновидения, которые небесным огнем воспламенившись в нашей душе, вместе с бесконечным томлением сулят нам и исполнение наших желаний». (См. Ванслов, *opus citatum*, стр. 55).

Романтики широко использовали мотив сна (Гофман «Песочный человек»; Жуковский «Людмила», «Светлана»; Гейне «Сон», Лермонтов – «Сон» же etc.).

«Сон, который, начиная с античных времен, создавал в произведении ситуацию «другой, сверхчувствительной действительности», вместе с тем призван был у романтиков замаскировать ее ирреальную природу. То, что является во сне, в отношении своего источника остается проблематичным. Вызвано ли сновидение откровением другой жизни или всего только субъективной переработкой реальной информации, остается неразъясненным» (Ю. Манн. Фантастическое и реальное у Гоголя, «Вопросы литературы», 1969, № 9, с. 10).

Манн: «Введение формы сна (у романтиков) может или служить средством завуалирования фантастики, или же является отменой тайны» (*Ibidem*, стр. 116).

Фантастика в романтизме связана с тайной, на открытие которой направлено все развитие действия, и чаще всего носит мистический характер. **В основу фантастики Гоголя положен фольклор.**

1. «Майская ночь, или утопленница». Как начинается сновидение? «Непреодолимый сон быстро стал смыкать ему зеницы; усталые члены готовы были забыться и онеметь; голова клонилась...

«Не, эдак я засну еще здесь», – говорил он, поднимаясь на ноги и протирая глаза. Оглянулся: ночь казалась перед ним еще блистательнее...» И тут появляются **русалки**. – Следующая глава называется «Пробуждение»:

«Неужели это я спал? – сказал про себя Левко, вставая с небольшого пригорка. – Так живо, как будто наяву».

Записка в руке, полученная **во сне** от панночки, совсем запутывает и его и читателя. Мотивировка фантастического отсутствия, форма сна не снимает тайну. Сон явился «приемом сюжетной разработки» (В.В. В<иноградов>., Эволюция русского натурализма, стр. 43).

Прием введения сна как реального события, без разграничения «действительность-видение», взят Гоголем из поэтики романтизма, сближает его с Гофманом.

2. «Страшная месть». По мнению Г.А. Гуковского, **вопреки хронологии изданий**, «Страшная месть» и «Вечер накануне Ивана Купала» «являют как самый первичный этап гоголевского творчества, наиболее романтический, наиболее близкий романтизму 1810–1820-х годов. Не случайно при этом, что в основании сюжетов этих именно рассказов лежит в меньшей степени фольклор, чем мотивы современного Гоголю романтизма, знакомые по книгам» (Гуковский. Реализм Гоголя, М.-Л., 1959, стр. 36).

«Страшная месть» овеяна книжной романтикой, фантастика здесь имеет **мистический характер**. Реалист и мистик – главное противоречие Гоголя-писателя, Гоголя-человека здесь ярко выражено. Демонология часто выходит на первый план повествования, отсюда недовольство **позднего** Белинского: «уродливое произведение... сделало его таковым ложное понятие о народности в искусстве» («Объяснение на объяснения по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души»).

Сны Катерины – это не сны, а «реальность». «Антихрист имеет власть вызывать душу каждого человека, а душа гуляет по своей воле, когда заснет он, и летает вместе с архангелами около божией светлицы».

Два сна Катерины. Сначала ей снится «будто наяву», что отец ее и есть тот самый колдун, которого видели на свадьбе, что он **хочет стать ее мужем**. Данило отвечает жене: «Да, сны много говорят правды». Сон оказался **вещим**.

Второй сон – уже **глазами мужа**. Данило видит, как колдун вызывает к себе душу спящей Катерины и разговаривает с ней. Мистическая фантастика дана в обнаженном виде, с точки зрения Данилы и читается это «реальное событие». Но Катерина полагает, что видела сон.

3. «Иван Федорович Шпонька и его тетушка». Эту повесть Гуковский назвал «прологом к реалистическому искусству писателя»: нет, не эту, а «Вечера на хуторе близ Диканьки» в целом. **Храпченко**: «В отличие от народных повестей, здесь нет резко очерченного сюжета, в мире шпонек нет ничего яркого, замечательного... Центр тяжести здесь заключен не в рассказе о событиях, а в раскрытии характеров» (Творчество Гоголя, М., 1954, с. 116).

Тетушка решает женить Шпоньку (ему уже за 30). Это приводит в ужас Шпоньку, который «никогда не был женат» и «совершенно не знает что с нею [женою] делать». Панические размышления Шпоньки. Система эвфемизмов, «прикрывает» (предательски, ибо на деле выделяет, подчеркивает) его страх перед физическим сближением с женщиной.

«Наконец, желанный сон, этот всеобщий успокоитель, посетил его; но какой сон! еще несвязнее сновидений он никогда не видывал. То снилось ему, что вокруг него все шумит, вертится, а он бежит, бежит не чувствует под собой ног... вот уже выбивается из сил... Вдруг кто-то хватает его за ухо «Ай! Кто это?» – «Это я, твоя жена!» – с шумом говорил ему какой-то голос. То вдруг снилось ему, что жена вовсе не человек, а какая-то шерстяная материя» [Эвфемистическая метонимия самого непристойного свойства: шерсть = *rubis*]. Виделись жены с гусиными лицами, которые выскакивали из шляпы, из кармана, из уха. [Все это ктеические символы, а клюв – *clitoris*, см. Лоуренса: страх перед мужественной женщиной]. То ему снилось, что жена тащит его

на колокольню и говорит, что он колокол, на что он отвечает: «Нет, я не колокол, я Иван Федорович!»

Это сновидение выполняет функцию психологической характеристики. Гоголь: «Сон есть больше ничего, как бессвязные отрывки, не имеющие смысла, из того, что мы думаем, а потом склеившиеся вместе и составившие винегрет» (Собр. соч. в 14 томах [ПСС], т. 10, ср. 376–377).

В 1835 году он писал матери: «Сон есть отражение наших беспорядочных мыслей. То, что мы делаем, что нас занимает, нам видится и во сне, только натурально наизнанку» (ПСС в 14 тт., т. 10, с. 376).

4. «Невский проспект». Взлетев по лестнице за прекрасной незнакомкой, Пискарев обнаруживает, что его Перуджинова Бианка – проститутка. «Он зашел в тот отвратительный приют, где основал свое жилище жалкий разврат, порожденный мишурною образованностью и страшным многолюдством столицы». А красавица «раскрыла свои **хорошенькие уста** и стала говорить что-то, но все это было так глупо, так пошло... как будто вместе с непорочностью оставляет и ум человека». **Пискарев бежит прочь.**

«Она бы составила неоцененный перл, весь мир, все богатство страстного супруга; она была бы тихой звездой в незаметном семейном кругу... Она бы составила божество в многолюдном зале, на светлом паркете, при блеске свечей, при безмолвном благоговении толпы поверженных у ног ее поклонников...»¹ [Я знаю, откуда это]. И эта мечта-сожаление переходит в сон. «Сон вводится в тот момент, когда у читателя создается иллюзия отрезвления героя от охватывающей его дремоты». (В.В. Виноградов, Эволюция русского натурализма, с. 94). Вот как это сделано: «Дремота, воспользовавшись его неподвижностью, уже было начала тихонько одолевать его, уже комната начала исчезать, один только огонь просвечивал сквозь одолевшие его грезы, как вдруг стук у дверей заставил его вздрогнуть и очнуться...» Так было и в «Майской ночи». **Прием дезориентации читателя:** мы видим сон, не понимая, что это сон, подобно самому

---

¹ На полях помета: «NB» – *Ред.*

сновидцу. Этот прием перенял Достоевский (кошмар Свидригайлова, черт Ивана Карамазова).

И во сне Пискарева разворачиваются его грезы: красавица предстает как «божество в многолюдном зале». **Прямое продолжение**, подчеркнутое переходящим лейтмотивом **лестницы**. Во сне красавица благородна, чиста, непорочна: в бордель ее привели случайные обстоятельства, но это ТАЙНА (!!!). Гоголь иронизирует над тайной.

«Боже, что за жизнь наша! вечный раздор мечты с существенностью!» И Пискарев стремится укрыться в мир грез.

«Сновидения сделались его жизнью, он, можно сказать, спал наяву и бодрствовал во сне». **Он с отчаяния бросается в опиум**. Потом погибает.

5. «Портрет». Две редакции: в «Арабесках» (1835) и в «Современнике» (1842). Первую решительно разобрал Белинский. Гоголь переделал, но недовольство Белинского второй частью осталось в силе.

Сновидение в сновидении. Дважды Чарткову казалось, что он проснулся, но **видения продолжались**. Как в «Майской ночи» и «Невском проспекте», сон введен без разграничения бреда и действительности.

6. «Нос». Три редакции: 1) для «Московского наблюдателя», написана в 1835 (не опубликована); «Современник», 1836; 3) «Петербургские повести», 1842.

«Необыкновенно странное происшествие» в начальном варианте имело мотивировку: тайна отменялась посредством введения **формы сна**. В варианте «Современника» Гоголь отказался от этого объяснения. Почему? Виноградов считает, что Гоголь отверг его как избитый литературный прием **под влиянием рецензии «Северной пчелы» на «Повести Белкина»**.

«Введение сна для развязки повести казалось литератору той эпохи избитым приемом. Гоголь, избегая того, что уже сделалось привычным, выбрасывает сон как мотивировку композиции» (Эволюция русского натурализма, стр. 75, 76).

В рецензии «Северной пчелы» (27 августа, 1834): «Развязывать повесть пробуждением от сна героя – верное средство усыпить читателей. Сон – что это за развязка? Пробуждение –

что за развязка? Притом такого рода сны так часто встречаются в повестях, что этот способ чрезвычайно как устарел».

Отменив эту мотивировку, Гоголь переходит в мир всеохватывающего гротеска, который не требует мотивировки (отрицает мотивировку). Сам реальный мир в гротеске ненормален, и никакого «более правильного» мира **нет**.

7. «Ревизор». «Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, этаких я никогда не видывал: черной, неестественной величины! пришли, понюхали – и пошли прочь...» Еще Белинский указал на этот сон: «им открывается цепь призраков, составляющих действительность комедии» («Горе от ума»).

В черновик комедии: «Я пригласил вас господа [с тем, чтоб сообщить вам]..... чрезвычайно важное известие, которое, признаюсь вам, чрезвычайно меня потревожило. [я так вот как будто бы предчувствовал и сегодня во сне снился мне] такой вздор [такая чепуха. Как будто бы какие-то собаки] загнали меня [гнались за мною до самой городской тюрьмы]». (ПСС в 14 тт., АН СССР, М., 1951, т. 4, стр. 141.

Немного о «Вие»

Эта повесть считается загадочной и необъяснимой. В частности, остаются загадочными **истоки образа Вия**.

«Вій – мифическое существо с веками до земли». «Вія – ресница, вйка – ресница» (Б.Д. Гринченко, Словарь украинского языка, т. 1, Киев, 1907; стр. 236 и 243).

Вяч. В. Иванов написал статью «Об одной параллели к гоголевскому Вию» (Труды по знаковым системам, V, Тарту, 1971), где излагает совершенно неожиданные сопоставления.

Он выделяет как «самую очевидную черту» гоголевского Вия **мотив деформации органа зрения** и находит саму близкую параллель этой черте в **кельтском эпосе**. В саге «Cath Maige Tued» («Битва при Майтуре») о фоморском великане Балоре по кличке «Дурной глаз» говорится, что «у него был дурной глаз. Его открывали только на поле боя. Обычно четыре человека колом поднимали веко с его глаза». По-видимому, этот мотив был общим для эпоса островных кельтов; в древневаллийском он обнаружива-

ется в предании об Испаддадене Пенкаура (имя Испаддаден значит «боярышник»), веки с глаз которого должны были поднимать с помощью вил. Отголоски подобных представлений видят и в реминисценция из кельтского эпоса в «Улиссе» Джойса.

То, что глаз Балора открывался только на поле боя, заставляет сравнить цитированное предание о нем с описанием чудесного преобразования Кухулина на поле боя, во время которого искажению подвергался весь его облик, включая и глаза. В «Похищении быка из Куальнге» об этом говорится: «Один глаз его уходит внутрь так глубоко, что цапля не могла бы его достать, другой же выкатывался наружу на щеку». Согласно другому описанию, Кухулин закрывал один глаз, так что тот был не шире игольного ушка, и вытарачивал другой, становившийся величиной с отверстие чаши. На ранних кельтских монетах можно видеть сходные изображения, где один глаз огромен и опускается на середину щеки до уровня кончика носа. Преобразование глаз было одним из отличительных знаков («форм»), приобретаемых Кухулином – победителем, поэтому в этих формах (или деформированных образах) Кухулина видят преувеличение «гримасы героя».

Как и у других мотивах, оказывающихся общими для Кухулина и других персонажей кельтского фольклора, здесь можно видеть отражение весьма архаических черт, возможно, восходящих к общеиндоевропейской древности.

Указанная валлийская параллель, где веки Испаддадену Пенкауру поднимают вилами, оказывается ближе всего не к повести Гоголя, а к русской народной сказке, в которой иногда **ошибочно** видели вторичное отражение гоголевского «Вия». В сказке старик-муж ведьмы, который лежит на железной кровати, ничего не видит, он приказывает двенадцати богатырям: «Возьмите-ка вилы железные, подымите мои брови и ресницы черные, я погляжу...» («Народные русские сказки А.Н. Афанасьева», т. 1, М., 1957, стр. 283 – это сказка № 137, «Иван Быкович»). Во втором эпизоде сказки старик «велел принести вилы железные и поднять ему брови и ресницы черные» (там же, стр. 286).

Совпадение орудия – вил – в древневаллийском тексте и в русской сказке едва ли случайно, чем удостоверяется подлинность прототипа сказки. Поэтому же исключается и без того ма-

ловероятная гипотеза, по которой с кельтской легендой Гоголь мог познакомиться по какому-либо пересказу времени увлечения оссианизмом. По-видимому, Гоголь черпал из народного предания, сходного с кельтскими (и вероятно им родственного).

В повести Гоголя Вий, очевидно, назван по самой характерной его примете – «Длинные веки опущены были до самой земли». Гиперболичность метонимического обозначения целого по части напоминает о «Носе». Мифологический образ Вия из народного предания был заимствован в повесть Гоголя, чья поэтика была сродни «гротескным образам тела», о которых, в частности, по поводу «могучей кельтской фантазии» писал М.М. Бахтин («Фр. Рабле», М., 1965, стр. 422). Недаром «Вий» по наблюдениям А.Белого изобилует такими «фигурами гиперболы», в которых выступают именно эти гротескные образы.

«С точностью этнографа Гоголь следовал своим местным первоисточникам, воссоздавая на их основе образы, предельно близкие к мифологическим архетипам и в то же время родственные его собственному «фантастическому реализму» (Вяч. В. Иванов, *opus citatum*, стр. 142).

[В сноске он говорит, что «фантастический реализм» – термин, введенный Вахтанговым для обозначения его поэтики и позднее применявшийся к таким художникам, как Гоголь и Шагал. – До Вахтангова этот термин употреблялся Достоевским, Блоком, Леонидом Андреевым].